

ИЗ ИСТОРИИ КОНЦЕССИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В. И. КАСЬЯНЕНКО, Л. Ф. МОРОЗОВ, Л. К. ШКАРЕНКОВ

Вопрос о проведении Советским государством концессионной политики в нашей историографии почти не освещен¹. Обычно историки ограничивались лишь констатацией того, что концессии не получили у нас серьезного развития². Эта в целом правильная оценка должна быть дополнена конкретным анализом истории концессионной политики. Рассмотрение вопроса о концессиях имеет важное значение для изучения особенностей государственного капитализма, существовавшего в годы переходного периода в многоукладной экономике нашей страны. Под го-

¹ По вопросам концессионной политики в 20-е годы было написано несколько брошюр, а также небольшое количество журнальных и газетных статей. Часть их была посвящена популярному разъяснению значения концессий для Советского государства (см., например, И. Степанов. Об иностранных концессиях, М., 1920; Р. Арский. Концессии, Ростов-на-Дону, 1921; Л. Г. Ляндау. Иностранный капитал в дореволюционной России и в СССР, М.—Л., 1925). Тогда же вышли в свет отдельные брошюры по некоторым конкретным вопросам концессионной политики (В. Свердлов. К вопросу о концессии Уркарта, М., 1923; М. И. Лацис. Сельскохозяйственные концессии М.—Л., 1926). Краткие данные о положении промышленных концессионных предприятий в народном хозяйстве страны были помещены в сборнике ВСНХ «Частный капитал в народном хозяйстве СССР» (под общей редакцией А. М. Гинзбурга, М.—Л., 1927, стр. 277—283). Первые шаги в концессионном деле были освещены также в брошюрах Н. П. Дергачевой «Концессии» (Л., 1925) и В. Бутковского «Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР» (М.—Л., 1928). При этом следует отметить, что автор последней брошюры — один из ответственных работников Главконцесскома — явно переоценивал народнохозяйственное значение концессий. Такой важный вопрос, как классовая борьба на концессионных предприятиях, был совсем обойден в брошюре В. Бутковского. В историко-экономической литературе, вышедшей за последние годы, лаконичные сведения о концессиях имеются в работе П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР» (т. III, М., 1956, стр. 160—162).

Некоторые вопросы концессионной политики в СССР освещались также в отдельных работах зарубежных буржуазных историков, экономистов и юристов, написанных в 20-х и 30-х годах. Представляющий интерес фактический материал содержится в книге Г. Гершуни, изданной в Германии (G. Gerschuni, Die Konzessionspolitik Sowjetrußlands, Berlin, 1927). В то же время Гершуни пытался (хотя и в завуалированной форме) утверждать, что для более успешного развития концессионного дела необходимо ослабить монополию внешней торговли, возместить иностранцам убытки за национализированное Советским государством имущество и т. д. (с. 126). Более откровенно об этом писал американский экономист Вильям Чемберлен (William H. Chamberlin, The Soviet Planer Economic Order, Boston, 1931, p. 10). Чемберлен и ряд других буржуазных авторов заявляли, что концессионеры якобы не имели в Советской России необходимых условий для нормальной деятельности (см. M. Hwang Jen. Le Régime des Concessions en Russie Soviétique. Paris, 1929, p. 103; Boleslaw Cugulinski. Concesje zagraniczne w ZSRR, Wilno, 1935, s. 160 и др.) Однако построения этих авторов рушатся при первом же соприкосновении с историческими фактами. Да и некоторые буржуазные ученые признавали, что советское законодательство предоставляло иностранным концессиям значительные возможности (см. O. Pötscheg. Wesen und Recht der Konzession in Deutschland und Sowjetrußland, Jena, 1928), Не менее важное заявление о том, что Советский Союз никогда не нарушал ни одного из своих финансовых обязательств, сделал в своей книге французский доктор права Словэ (H. Slovés. Les relations commerciales entre la France et l'Union des Républiques soviétiques socialistes, Paris, 1935, p. 47).



сударственным капитализмом в условиях диктатуры пролетариата В. И. Ленин понимал такой капитализм, пределы которого установлены и ограничены Советским государством, сохранявшим в своих руках все командные высоты в народном хозяйстве. Наиболее простой и ясной формой госкапитализма были концессии. В своеобразных условиях Советской России, вынужденной строить социализм в капиталистическом окружении, они должны были стать, по мысли В. И. Ленина, одним из средств скорейшего восстановления разоренного после войн народного хозяйства.

Концессия — это соглашение между иностранным капиталистом и Советским государством, основанное на взаимной выгоде. Разъясняя смысл этого соглашения, В. И. Ленин писал: «Концессионер, это — капиталист. Он ведет дело капиталистически, ради прибыли, он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли, сверх обычной или ради получения такого сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно. Советская власть получает выгоду в виде развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок»³. Допуская на своей территории деятельность иностранных предпринимателей, Советское государство могло взамен получить передовой технический опыт, современное оборудование, дополнительные капиталовложения, облегчающие восстановление и развитие народного хозяйства страны. В. И. Ленин в то же время отмечал, что сам факт провозглашения концессионной политики и ведения переговоров о концессиях даст Советской республике большой выигрыш, способствуя перелому во взаимоотношениях с капиталистическими странами от войны к миру и позволяя использовать империалистические противоречия. «Существование концессий,— говорил В. И. Ленин в декабре 1920 г.,— есть экономический и политический довод против войны. Те государства, которые могли бы с нами воевать, воевать не смогут, если возьмут концессии, это связывает»⁴.

Следует подчеркнуть, что при всем внимании к концессиям, Ленин всегда трезво оценивал их возможный эффект. В отличие от прожектов троцкистов и меньшевистских экономистов типа Громана и Базарова, всецело уповавших на помощь капиталистического Запада, концессии в ленинском плане построения социализма занимали второстепенное место. «Политика концессий,— писал В. И. Ленин,— в случае успеха, даст нам небольшое число образцовых — по сравнению с нашими — крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма...»⁵.

В настоящей статье делается попытка дать краткое изложение истории проведения концессионной политики в СССР.

* * *

Вопрос о концессиях впервые был поставлен В. И. Лениным в 1918 г.⁶. Этому вопросу было уделено много внимания на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. Ленинские идеи о необходимости использования концессий в интересах экономического развития страны получили свое отражение в некоторых документах советских и хозяйственных органов, разработанных в то время. Большой интерес в этом отношении представляет «План развития экономических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами Америки», подготовленный в мае 1918 г. Комиссией по внешней торговле при

² См., например, «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.)», М., 1957, стр. 256.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 324.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 427.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 327.

⁶ Об этом пишет в своих воспоминаниях Г. В. Чичерин. См. «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, М., 1957, стр. 168.

ВСНХ⁷. По этому плану Америке, наряду с другими странами, предлагалось на концессионных началах принять участие в эксплуатации угольных копей, водных богатств Восточной Сибири, в железнодорожном и воднотранспортном строительстве и т. д.

На практике проведение переговоров о концессиях оказалось чрезвычайно сложным делом. В каждом конкретном случае нужно было всесторонне взвесить все плюсы и минусы, внимательно следить за тем, чтобы не был причинен ущерб интересам Советского государства. Поэтому В. И. Ленин обращал много внимания на разработку основных условий привлечения иностранного капитала. По предложению В. И. Ленина СНК 20 июля 1918 г. назначил комиссию, которой было поручено выработать такие условия⁸. Через несколько дней комиссия СНК подготовила «Тезисы об условиях привлечения иностранного капитала в Россию». Особое внимание в «Тезисах» обращалось на условия, обеспечивающие Советскому государству командные позиции в народном хозяйстве и контроль за деятельностью концессионеров. Территориальное расположение концессий, указывалось в «Тезисах», не должно создавать для иностранных государств определенных сфер влияния. В специальных пунктах «Тезисов» говорилось о том, что нормы советского социального, промышленного и торгового законодательства являются обязательными для иностранного капитала, работающего в России; государству должно быть предоставлено преимущественное право на закупку продуктов, производимых иностранными предпринимателями; за Советской Республикой сохранялось право досрочного выкупа всего предприятия⁹.

Одним из первых был проект концессии на строительство железнодорожных линий для соединения Урала с Белым и Балтийским морями («Великого северного пути»). Инициатором проекта был художник А. Борисов, за которым стояли норвежские капиталисты (фирма Ганевик и др.). 4 февраля 1919 г. СНК признал концессию желательной. Однако при разработке проекта выяснилась экономическая несостоятельность концессионеров, предложенные ими условия оказались неприемлемыми для Советской республики и договор на эту концессию так и не был заключен¹⁰.

В годы гражданской войны переговоры о концессиях оставались безрезультатными. В конце 1920 г., когда закончились военные действия, сложились более благоприятные условия. Стремясь не только к мирному сосуществованию с капиталистическими странами, но и к самому тесному экономическому сотрудничеству с ними, СНК 23 ноября 1920 г. принял декрет «Об общих экономических и юридических условиях концессий»¹¹. Вопрос о концессиях, по словам В. И. Ленина, был изложен в декрете в форме, наиболее приемлемой для заграничных капиталистов¹². Декрет гарантировал иностранцам недопустимость национализации, конфискации или реквизиции вложенных ими в предприятия средств. Концессионерам разрешался свободный вывоз за границу известной доли продуктов их предприятий в России и право найма рабочих и служащих по специальным договорам. В декрете СНК подчеркивалось, что объекты могут сдаваться в концессию солидным, заслуживающим доверие иностранным промышленным обществам, организациям и частным лицам. Как один из важных факторов при заключении договора должна

⁷ См. «Документы внешней политики СССР», т. 1, М., Госполитиздат, 1957, стр. 286—294.

⁸ ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 2, л. 137.

⁹ Там же, ф. 3429, оп. 1, д. 697, лл. 1—2.

¹⁰ Там же, ф. 130, оп. 3, д. 656, л. 22об.; «Экономическая жизнь», 30 марта 1922 г., стр. 1.

¹¹ «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства» (СУ), 1920, № 91, ст. 481.

¹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 157.

была учитываться внешнеполитическая ориентация и экономическая мощь капиталиста.

При переходе к новой экономической политике декрет СНК об общих экономических и юридических условиях концессий был одобрен X съездом РКП(б). В принятой съездом резолюции «Советская республика в капиталистическом окружении» указывалось, что, «являясь по существу известной формой экономического соглашения между социалистической республикой и более ее развитыми в промышленном отношении капиталистическими странами, концессии в то же время должны послужить мощным средством развития производительных сил Советской республики и укрепления заложенных в ней основ социалистического хозяйства»¹³. Как форма крупного промышленного производства концессии являлись шагом вперед по отношению к раздробленному мелкому частнохозяйственному капитализму. Поэтому в первые годы нэпа, когда в стране оживилась мелкобуржуазная стихия, сопротивлявшаяся всякому государственному вмешательству, вопрос о концессиях приобретал особенно важное значение.

В апреле 1922 г. Советское правительство послало своих представителей на Международную экономическую конференцию в Геную. Г. В. Чичерин изложил на конференции общие принципы советской концессионной политики. Но ни на Генуэзской, ни на последовавшей вслед за ней Гаагской конференции не удалось договориться об экономическом сотрудничестве с ведущими капиталистическими странами. Буржуазные правительства думали не о сотрудничестве на началах равенства и взаимной выгоды, а о закабалении молодой Советской республики, о превращении ее в свою колонию. Характерным в этом отношении был «Доклад британских, французских и итальянских экспертов по вопросу о восстановлении России и Европы»¹⁴, где под видом создания «условий успешной работы» иностранного капитала в России предлагалось ввести систему капитуляций, создать такое положение, при котором вся хозяйственная жизнь страны находилась бы под иностранным контролем¹⁵.

Решительно отвергая кабальные планы империалистических держав, Советское правительство в то же время выступило с конкретными предложениями. На Гаагской конференции членом советской делегации М. М. Литвиновым был представлен список объектов, намеченных к сдаче в концессию. При обсуждении этого списка в подкомиссии по частной собственности представители капиталистических стран высказали недовольство тем, что намеченные в концессию объекты включали лишь «незначительную часть тех имуществ, кои раньше находились в руках иностранных подданных»¹⁶. Как видно из материалов отчета подкомиссии, империалистические державы откровенно стремились получить в концессию целые отрасли промышленности.

Советскому государству пришлось столкнуться и с другими попытками крупных монополий восстановить при помощи кабальных концессий свои довоенные позиции в экономике страны. Известен, например, факт, когда представители крупнейших нефтяных компаний и русские белоэмигранты заключили соглашение о поддержке бывших собственников при получении концессий. На совещании, состоявшемся в Париже в сентябре

¹³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1953, стр. 566.

¹⁴ См. «Материалы Генуэзской конференции», М., 1922, стр. 92—114.

¹⁵ Накануне Генуэзской конференции в иностранной печати сообщалось о французском плане превращения Кавказа, Кубанской, Донской областей и Урала в зоны, где иностранцы будут пользоваться особыми правами и привилегиями (см. «Правда», 23 марта 1922 г.).

¹⁶ «Отчет подкомиссии по частной собственности» в приложении к книге Л. Пазвольского и Г. Моултон «Русский государственный долг и восстановление России», М.—Л., 1925, стр. 149.

1922 г. они приняли следующее решение: «1) Никто из участников совещания не посягнет прямо или косвенно на промыслы и имущество других предпринимателей, лишенных своей собственности Советской властью; 2) никто из присутствующих не приступит к работе на своих промыслах до того, как на тех же условиях, на которых он получил свои промыслы, не будут возвращены все промыслы их собственникам; 3) никто из присутствующих без общего согласия не будет брать концессий на нефтеносные земли, принадлежащие до Октябрьской революции государству»¹⁷.

Это была явная попытка оказать при переговорах о концессиях давление на Советское правительство. Но когда речь шла о сохранении за диктатурой пролетариата командных высот в народном хозяйстве, Советское правительство не допускало никаких уступок. Поучительна в этом отношении история переговоров с Уркартом.

До победы Великой Октябрьской социалистической революции английские акционерные общества во главе с крупным капиталистом Уркартом контролировали значительную часть горнорудной промышленности и цветной металлургии Урала, Сибири, Казахстана. На долю предприятий обществ приходилось около одной трети всех частных английских претензий к Советской России. В конце 1920 г. начались переговоры с Уркартом относительно предоставления ему концессии. В ходе переговоров выяснилось, что Уркарт не только претендует на получение в концессию всех предприятий, ранее принадлежавших представляемым им обществам, но и настаивает на выплате Советским правительством компенсации за национализацию этих предприятий.

Тем не менее наркомвнешторг Л. Б. Красин, который вел переговоры с Уркартом, подписал с ним 9 сентября 1922 г. предварительный договор. Согласно договору в руки концессионера переходили четыре промышленных центра, в том числе важнейший полиметаллический район Риддер. Что именно при этом передавалось, установить точно трудно, так как вредители — бывшие служащие Уркарта — привели архивы в неисправное состояние. Однако из того, что было известно, со всей очевидностью вытекало, что Советская республика попадала в этом случае в экономическую зависимость от концессионера. Кроме того, правительство обязывалось дать Уркарту некую субсидию «в интересах скорейшего восстановления нормальной деятельности предприятия». В течение 14 лет Советское государство должно было бы выплатить концессионеру вместе с процентами по меньшей мере 27 млн. руб. Уркарт не скрывает, что эта «субсидия» является компенсацией Советского правительства за национализированное имущество. Советское же правительство могло рассчитывать на получение долевых отчислений от прибылей концессионера лишь в 1927 г.¹⁸

В. И. Ленин в связи с перенесенной болезнью еще не приступил к работе, но он сразу же выступил против кабальной сделки. В письме для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 12 сентября 1922 г. В. И. Ленин решительно высказался против утверждения концессионного договора с Уркартом, как явно невыгодного для Советского государства. Ленин предупреждал также, что эта концессия может стать прецедентом для других иностранных собственников, претендующих на компенсацию за национализированное имущество. Аннулированию договора с Уркартом способствовало и общее ухудшение англо-советских отношений в связи с антисоветской политикой английского правительства на Ближнем Востоке. 6 октября 1922 г. СНК отклонил договор с Уркартом¹⁹.

¹⁷ С. Н. Прокопович. Очерки хозяйства Советской России, Берлин, 1923, стр. 5.

¹⁸ «Правда», 31 октября и 1 ноября 1922 г.

¹⁹ «Правда», 7 октября 1922 г. Переговоры с Уркартом в дальнейшем несколько раз возобновлялись. Советское правительство шло на них в интересах общей нормали-

Таковыми же неудачными оказались домогательства так называемого Майкопского общества, претендовавшего на нефтяную концессию в Черноморско-Кубанском районе, группы Терещенко—Гайдон, рассчитывавшей вернуть национализированные сахарные заводы и т. п.²⁰. Стремление этих капиталистических групп вернуть национализированные предприятия и закрепить за собой ключевые позиции в народном хозяйстве в надежде на реставрацию капитализма сделало соглашения с ними невозможными.

Предложений на концессии было много, в 1921—1924 гг. их поступило более 1200. Однако большинство соискателей относилось к несолидным фирмам, не имевшим возможностей для организации полезного для народного хозяйства производства, поэтому Советское правительство проявляло большую осторожность при заключении договоров. По сравнению с количеством предложений число действовавших концессионных договоров составляло очень незначительную величину. К 1 апреля 1925 г. в СССР действовало 70 иностранных концессий. По отраслям народного хозяйства действовавшие концессии распределялись следующим образом: промышленность — 31; внешняя торговля — 23; транспорт и связь — 8; сельское хозяйство — 7; строительство — 1²¹. Удельный вес концессий по отношению к однородным государственным предприятиям той же отрасли народного хозяйства был крайне незначительным. Наибольшее значение в годы восстановительного периода имели лесные концессии. Они давали около 25% всего леса, экспортируемого с нашего Севера. В лесные концессии было вложено больше всего капиталов. Если во все концессии иностранные капиталисты к середине 1925 г. вложили капитала в сумме примерно 30 млн. руб., то из них в лесные концессии было вложено 14 млн., в торговые — около 8,5 млн., в горные — 5 млн., и т. д.²². В то время лесная промышленность, работавшая на экспорт, была такой отраслью, где капитал быстро оборачивался. Это привлекало иностранных капиталистов. В свою очередь и Советское государство в эти годы было особенно заинтересовано в развитии лесных концессий. Их деятельность позволяла преодолеть рогатки, которые ставились в капиталистических странах советскому лесному экспорту, являвшемуся важнейшим источником получения из-за границы остро необходимых для восстановления народного хозяйства товаров.

Концессионная практика сразу же выработала несколько форм соглашений. Наряду с «чистыми» иностранными концессиями, получившими наибольшее распространение, появились смешанные акционерные общества, в работе которых вместе с иностранцами принимали участие советские организации. Основной капитал смешанных обществ образовывался из взносов государства и капиталистических предпринимателей, а управление делами поручалось правлению из представителей той и другой сторон. Смешанные общества нашли наибольшее применение в области внешней торговли. Было также организовано несколько транспортных обществ и крупные смешанные лесопромышленные общества: «Руссанглолес», «Руссголландолес» и «Руснорвеголес», в акционерных капиталах которых в размере 50% участвовал государственный трест «Северолес»²³.

зации англо-советских отношений. Требования Уркарта становились все более умеренными, но он продолжал настаивать на компенсации за национализированное имущество. В 1929 г. в связи с пожаром на предприятиях Риддера в западной печати возобновились толки о неизбежной сдаче этих предприятий в концессию. Лучшим ответом на выступление западноевропейских капиталистов по поводу пожара на Риддере, писала 24 октября 1929 г. «Торгово-промышленная газета», будет окончание силами рабочего класса восстановительных работ к 1 января 1930 г.

²⁰ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 127, л. 18.

²¹ «Большевик», 1925, № 8, стр. 47—49.

²² «Правда», 19 июня 1925 г., стр. 5.

²³ Всего к 1 октября 1926 г. в СССР действовало 19 смешанных обществ, из них 12 торговых. Среди торговых обществ различались общества по торговле с Западом

В годы восстановительного периода возникла и такая форма сотрудничества с иностранными капиталистами как договоры о технической помощи²⁴.

Обычно в концессионных договорах предусматривалась минимальная производственная программа, которую концессионер должен был выполнять. Важное принципиальное значение имело положение договоров о том, что имущество концессионных предприятий за исключением оборотного капитала и прибылей, рассматривается как собственность не концессионера, а государства. Советское правительство вменяло в обязанность концессионерам улучшать положение рабочих, соблюдать законы СССР, завозить из-за границы машины, оборудование, специалистов и квалифицированных рабочих, своевременно уплачивать соответствующие платежи (кроме регулярных налогов, — арендную плату, долевые отчисления, пошлины и др.). В случае разногласий предусматривался арбитраж, причем по некоторым договорам концессионер имел право выбрать суперарбитра из числа представленных ему кандидатов — ученых с европейским именем. После прекращения действия договоров все предприятия, включая и построенные концессионерами, с их оборудованием полностью переходили в руки государства.

В конце восстановительного — начале реконструктивного периода значительную заинтересованность проявляло Советское правительство в создании концессий в тех отраслях горной промышленности, восстановить которые своими силами сразу не представлялось возможным. В 1925 г. были подписаны договоры на наиболее крупные горные концессии с английским акционерным обществом «Лена Голдфилдс лимитед» и американской фирмой В. А. Гарриман и К^о. Подписанию договоров предшествовали длительные переговоры. Наблюдение за их ходом осуществляло непосредственно Политбюро ЦК ВКП(б). Для проверки условий концессионного договора с «Леной Голдфилдс» Политбюро создало комиссию, в которую входили В. В. Куйбышев, А. А. Андреев и др. Результаты переговоров обсуждались также на Пленумах ЦК партии в апреле 1924 г., в январе и апреле 1925 г. При обсуждении в Политбюро и на Пленумах ЦК партии в проект концессионного договора с «Леной Голдфилдс» были внесены важные поправки, которые потом удалось отстоять и включить в окончательный текст договора. Так, например, было записано обязательство концессионеров об отказе от каких бы то ни было претензий на компенсацию или возмещение убытков, причиненных национализацией предприятий акционерного общества²⁵. В 1925 г. на концессию «Лена Голдфилдс» приходилось 20% всей добычи золота в стране²⁶.

* * *

Известное представление о развитии концессионного дела дает динамика количества концессионных предложений, заключенных и действовавших договоров (см. табл. 1)²⁷.

(6 обществ) и общества по торговле с Востоком (6 обществ). Первые учреждались обычно на началах сохранения за Правительством СССР (в лице Наркомторга) не менее 50,5% акций. Значительно большая часть акций принадлежала СССР в смешанных обществах по торговле с Востоком. В отличие от западных обществ, которые проводили внешнеторговые операции с разнообразными по номенклатуре товарами, восточные общества («Русперссахар», «Перазнефть», «Руспершелк», «Русперхлопок») имели дело исключительно с каким-либо одним товаром.

²⁴ В 1923 г. было заключено всего лишь 2 договора о технической помощи, в 1925 г. — 8 («Промышленный импорт», М.—Л., 1930, стр. 163).

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 128, лл. 65, 66, 72; ед. хр. 165, л. 96; ед. хр. 179, л. 86.

²⁶ «Правда», 26 февраля 1926 г.

²⁷ Приведенные нами цифры о поступлении концессионных предложений (по годам) совпадают с данными, имеющимися в первом издании Большой советской энциклопедии (т. 34, стр. 182) и в книге П. И. Лященко. Однако у нас есть расхождения с БСЭ по цифрам о числе заключенных договоров, в особенности за 1926/27 и 1927/28 гг.

Как видно из таблицы, поступление концессионных предложений по годам было неравномерным, оно то увеличивалось, то сокращалось. В этом явлении в какой-то степени получали отражение изменения в международном положении Советского государства. Так, значительное сокращение предложений в 1927—1928 гг. во многом объяснялось ухудше-

ТАБЛИЦА 1^а

Г о д ы	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Поступило предложений	224	579	396	256	482	263	200
Заключено договоров	14	33	34	31	33	20	13
Действовало договоров	9	41	68	89	113	74	68

нием англо-советских отношений и общим обострением международной обстановки. Таблица также показывает, что уже к 1926/27 г. наметилась тенденция к сокращению числа действующих и заключаемых договоров. Однако нужно учитывать, что этот спад в то время еще не сопровождался сокращением удельного веса концессий в производстве промышленной продукции.

Доля концессий в производстве промышленной продукции составляла по годам в процентах:

<u>1924/25</u>	<u>1925/26</u>	<u>1926/27</u>	<u>1927/28</u>	<u>1928/29</u>
0,2	0,4	0,5	0,6	0,6

В том числе в производстве средств производства:

<u>1924/25</u>	<u>1925/26</u>	<u>1926/27</u>	<u>1927/28²⁹</u>
0,4	1,0	1,2	1,2

Несколько выше средних показателей был удельный вес концессий в горной промышленности, где в 1926 г. на долю концессий приходилось 3% всей стоимости валовой продукции и всего количества рабочей силы горной промышленности СССР³⁰. В отдельных же отраслях горного производства доля концессий в определенные годы составляла значительную величину. В 1927/28 г. доля концессий в продукции свинцово-рудной промышленности составляла 62,2%, а в медно-рудной — 11,8%. В марганцевой промышленности удельный вес концессий в отдельные периоды колебался около 40%³¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что валовое производство концессий достигло своего высшего уровня уже в период развертывания социалистической индустриализации. Интересно отметить, что в то

Данные за эти годы нами взяты из официального источника («СССР. Год работы правительства»), а в БСЭ источник не указан. В брошюре В. Бутковского (стр. 33 и 43) данные о поступлении предложений и заключении договоров соответствуют нашим в сумме, но различаются по годам. Это объясняется тем, что в приведенной таблице за основу взят хозяйственный год, а в брошюре Бутковского — календарный.

²⁸ ЦГАОР и СС, ф. 215с. оп. 1, д. 38, л. 77об.; д. 215, лл. 2, 3, 43, 209; д. 276, л. 41; «СССР. Год работы правительства» (Материалы к отчету за 1926/27 г.), стр. 383; «СССР. Год работы правительства» (Материалы к отчету за 1927/28 г.), стр. 348.

²⁹ «Фабрично-заводская промышленность СССР. 1927/28—1928/29 гг.», Планхозгиз, М., 1930, стр. 43 и 138.

³⁰ «Работа Союза горнорабочих СССР на концессионных предприятиях», изд. ЦК Союза горнорабочих СССР, М., 1926, стр. 3.

³¹ «Фабрично-заводская промышленность СССР. 1927/28—1928/29 гг.», стр. 43 и 138. Концессии не были допущены в основные топливно-сырьевые районы того времени: Донецкий бассейн, Кривой Рог, Баку, Грозный.

время как уровень производства частной промышленности уже в 1926/27 г. снизился до 80,1% в сравнении с уровнем 1924/25 г., а в 1927/28 г. до 43,6%³², абсолютный рост концессионного производства продолжался и в 1927/28 и в 1928/29 гг., вследствие чего удельный вес концессий во всей балансовой продукции промышленности был в эти годы неизменным.

В известной мере на росте концессионного производства сказалась активизация концессионной политики Советского правительства. Неправильной является точка зрения, нашедшая отражение в первом издании Большой советской энциклопедии³³, что с первыми успехами в восстановлении промышленности Советское государство потеряло заинтересованность в развитии концессий. С развертыванием социалистической индустриализации особую остроту приобрели проблемы капиталовложений в новое строительство и технического перевооружения промышленности. Привлечение иностранного капитала в концессионной форме могло бы, в случае успеха, в известной мере облегчить решение этих проблем, составлявших одну из главных трудностей социалистического строительства.

В мае 1926 г. СНК СССР принял постановление «О льготных условиях допущения иностранного капитала к производству строительных работ на территории СССР». Строительные концессии уравнивались с государственными организациями в отношении получения подрядов на сооружение жилищ, фабричных зданий и других промышленных объектов, а также уплаты налогов³⁴. В связи с тенденцией концессионеров вести свое производство за счет средств, получаемых внутри страны, СНК обязал Главконцесское³⁵ доложить, как должны быть изменены заключаемые концессионные договоры, чтобы обеспечить в большей степени реальное привлечение иностранного капитала к участию в расширении нашей промышленности. В этот же период Советское правительство в интересах активизации концессионной политики принимает меры к улучшению работы органов, ведающих концессионным делом. В постановлении СНК, принятом 22 ноября 1927 г. по докладу Главконцесского, результаты концессионной деятельности признаны незначительными. Было решено внести в концессионную практику плановое начало. Госплан был обязан прорабатывать перспективный план концессий в связи с общим пятилетним планом народного хозяйства³⁶. 24 июля 1928 г. Совнарком СССР утвердил основные положения по привлечению иностранного капитала в народное хозяйство страны и ориентировочный план концессионных объектов (около ста объектов)³⁷.

Среди договоров, которые удалось заключить в начальный период индустриализации, можно отметить утвержденный в 1926 г. договор о создании смешанного русско-американского общества по производству газов — РАГАЗ, договоры с Всеобщим шведским электрическим акционерным обществом (АСЕА) — май 1927 г., с германским строительным обществом «Альтсбаугаг» и некоторые другие.

Тем не менее доля концессий в промышленной продукции страны осталась незначительной. Столь же незначительной была их доля в капиталовложениях. К началу 1927/28 г. в советскую промышленность было

³² См. «Статистический справочник СССР за 1928 г.», М., 1929, стр. 324.

³³ БСЭ, первое издание, т. 34, стр. 182.

³⁴ Собрание законов и распоряжений правительства СССР, 1926, № 40, ст. 293.

³⁵ Главный концессионный комитет при Совете Народных Комиссаров был учрежден декретом ВЦИК 8 марта 1923 г. На него было возложено общее руководство всем делом допущения иностранного капитала к промышленной, торговой и иной хозяйственной деятельности на территории страны. При ВСНХ, СНК союзных республик и некоторых других органах, а также при торговых представительствах СССР в Берлине и Лондоне были созданы концессионные комиссии, подчиненные Главконцесскому.

³⁶ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 26, л. 121; д. 215, л. 164.

³⁷ «СССР. Год работы правительства» (Материалы к отчету за 1927/28 г.), М., 1929, стр. 354—355.

вложено 7 млрд 878 млн руб., в том числе вложения концессионеров составили 45,3 млн руб., т. е. 0,57% общесоюзных вложений³⁸.

Крупный капитал бойкотировал советские предложения о деловом сотрудничестве. Отказ ведущих монополий финансировать концессии делал бесперспективным их развитие.

Заслуживает внимания в этом отношении рассмотрение деятельности германской концессии «Мологолес». Это было широко задуманное дело. Среди учредителей концессии был доктор Вирт, являвшийся в тот момент рейхсканцлером и выступавший за развитие лояльных отношений между Германией и СССР. Советское правительство в интересах мирного сотрудничества предоставило концессии большие возможности. Согласно концессионному договору, подписанному в 1923 г., «Мологолесу» предоставлялось право использовать лесные богатства на площади свыше 1 млн га вдоль железной дороги между станциями Пестово — Будогощ, а также по реке Молога выше станции Пестово (на территории нынешних Новгородской и Ленинградской областей). Ежегодно концессионер имел право вырубать 5 тыс. десятин леса. Он был обязан построить в течение двух лет один или несколько лесопильных заводов, пустить в ход несколько заводов для химической переработки пней, закончить строительство участка железной дороги Будогощ — Красный Холм. Однако с первых же месяцев деятельности стала сказываться финансовая слабость концессии, которая делала ее работу убыточной³⁹. Германская газета «Индустри унд Хандельсцейтунг» 3 марта 1927 г. справедливо напоминала что «первоначальный капитал концессии составлял всего 300 тыс. марок и был увеличен впоследствии до 3 млн марок. Незначительность этих сумм свидетельствует или о том, что при организации общества не отдавали себе отчета ни в размерах концессии, ни в общем хозяйственном положении СССР, или о том, что концессионеры имели твердое намерение любым путем добыть средства для концессии».

Концессия систематически просила Советское правительство о льготах и кредитах. В январе 1927 г. по настоятельной просьбе Вирта Госбанк СССР предоставил «Мологолесу» на 2 месяца кредит в размере 2,5 млн руб. Однако концессионеров это не удовлетворило. Они стали требовать таких изменений концессионного договора, по которым концессия фактически приобретала права экстерриториальности, освобождалась от большинства платежей правительству⁴⁰. Между тем общая задолженность концессии Советскому государству превысила к началу марта 6 млн руб. Ее правление попросило недельную отсрочку, рассчитывая на субсидию со стороны германского правительства. Но ввиду противодействия правящих кругов Германии в субсидии было отказано. В апреле 1927 г. Главконцеском довел до сведения «Мологолеса», что Советское правительство вследствие невыполнения концессией своих обязательств имеет право расторгнуть договор со всеми вытекающими из

³⁸ «СССР. Год работы правительства» (Материалы к отчету за 1926/27 бюджетный год), М., 1928, стр. 398. Вложения иностранного капитала во все отрасли народного хозяйства составили к этому времени всего 52,2 млн. руб. Между различными государствами эта сумма распределялась следующим образом: на Англию приходилось 14 625 тыс. руб. (28%), на США — 12 272 тыс. руб. (23,5%), на Германию — 7096 тыс. руб. (13,5%), по числу заключенных договоров она была на первом месте, на Швецию — 6466 тыс. руб. (12,5%). Остальные 22,5% концессионного иностранного капитала распределялись между 13 странами: от 3,3 млн руб., вложенных Польшей, до 70 тыс. руб. участия итальянского капитала.

³⁹ Руководители «Мологолеса» пытались заключить сделку с американскими капиталистами. В октябре 1924 г. в Ленинграде состоялось свидание одного американского капиталиста с инженером «Мологолеса» Б. Л. Берхиным, который от имени общества предложил американцу 50% акций или уступку контрольного пакета. Берхин уверял американского капиталиста, что все произойдет «семейным образом», без уведомления об этом Главконцескома и ВСНХ (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6/н, ед. хр. 133/1, л. 14).

⁴⁰ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 2158, лл. 24, 26, 27.

концессионного договора последствиями, т. е. с конфискацией без какого-либо возмещения неамортизированной части имущества концессии, но, идя навстречу пожеланиям общества о возможно безболезненной и дружественной ликвидации концессии, правительство предлагает заключить соглашение о добровольном расторжении концессионного договора и взаимных расчетах⁴¹. Предложение Советского правительства было принято. Предприятия «Мологолеса» перешли в ведение треста Севзаплес.

Особенно большие трудности испытывали с финансированием со стороны крупного капитала те предприниматели, которые сравнительно добросовестно выполняли свои обязательства. Американец Гаммер, организовавший производство карандашей и т. п. продукции, оборудовал свое предприятие новейшей техникой. Но в начале 1930 г. он был вынужден расторгнуть договор из-за отказа иностранных банков его финансировать. В беседе, опубликованной в газете «За индустриализацию», Гаммер заявил, что оборотные средства концессии оказались недостаточными, привлечение же средств из-за границы все более и более затруднялось ввиду усиливавшегося отрицательного отношения зарубежных финансистов к предприятиям, работающим в СССР. Гаммер добавил, что ряд банков США и Англии, назвать которые он не захотел, прямо заявляли: «Работайте в Азии, работайте в Африке, где хотите, зачем вам работать в СССР?» и отказывали в выдаче необходимых ссуд. По мнению Гаммера, финансовый бойкот являлся элементом общего обострения отношений между окружающим миром и СССР⁴².

Нежелание крупного капитала пойти на деловое сотрудничество с Советским государством определило весьма скромные размеры концессионного производства. Отрицательно сказалась политика бойкота и на деятельности концессий. Нередко она приобретала чисто хищнический характер.

Под вывеской Ченстоховской фабрики, например, с самого начала (с августа 1926 г.) действовала кучка дельцов, поставивших себе целью разбогатеть, не вложив почти никаких средств в предприятие. Начав работать в СССР без собственных средств, за счет привлечения частного капитала и кредитов, даваемых Госторгом на закупки импортного сырья, концессионеры этой фабрики на выпуске гребешков, детских игрушек, зубных щеток и пр. за первые два года получили чистой прибыли более 1100 тыс. руб. Нарушая систематически договор, фабрика ввозила изношенные машины. Летом 1929 г. органами ОГПУ была арестована группа мастеров концессии, занимавшихся скупкой и отправкой за границу иностранной валюты⁴³.

Хищнический характер в конечном счете приняла деятельность крупных горных концессий «Лена Голдфилдс» и «Грузия-Марганец». Согласно договору английское общество «Лена Голдфилдс» обязалось построить на Алтае медный, свинцовый и цинковый заводы; на Урале — новый медеплавильный завод и реконструировать ряд предприятий черной металлургии; на Ленских золотых приисках — провести значительную механизацию золотодобывающих работ.

Предоставив в эксплуатацию иностранцев исключительно богатый запасами золота, меди и других цветных металлов район, Советское правительство честно выполняло условия договора. Концессионерам было передано в пользование имущество стоимостью в 250 млн руб., разрешено беспроцентно ввозить оборудование и стройматериалы, набирать специалистов и рабочих за рубежом. Если к этому добавить длительные сроки концессии и значительные кредиты нашего правительства, то ясно, что предприниматели имели все условия для плодотворной деятельности по

⁴¹ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 2159, л. 96.

⁴² «За индустриализацию», 28 февраля 1930 г.

⁴³ ЦГАОР и СС, ф. 621с, оп. 16, д. 432, л. 51; ф. 1с, оп. 1, д. 2269, л. 18.

освоению богатств этого края, совершенствованию техники и извлечению немалых прибылей⁴⁴.

В течение всего периода существования «Лена Голдфилдс» работала на основе краткосрочных кредитов, получаемых различными способами вне Англии. Крупные английские монополии отказывались ее финансировать. Это сделало деятельность концессии бесперспективной. Если в течение первых двух лет на Витимских приисках добывалось золота больше, чем намечалось программой, то в дальнейшем добыча непрерывно снижалась, так как концессия оказалась не в состоянии вести разведку новых месторождений. В результате извлечения лишь богатых металлом участков золотоносные площадки обесценивались, значительное количество золота оставалось в разоренных россыпях. В дальнейшем хищнический характер деятельности концессии стал еще более ярко выраженным: вопреки договору от производительной деятельности она перешла к задаче доверенных ей месторождений старателям, извлекая таким образом прибыли за счет монопольного пользования объектом. Концессии было присуще засекречивание всех сторон ее деятельности. Имея обязательство построить металлургические заводы и оснастить рудники по последнему слову техники, предприниматели под различными предлогами уклонялись от представления в ВСНХ своих проектов, а затем вовсе отказались от выполнения договора. Экспертная комиссия, в которую входили такие видные специалисты, как академик В. А. Обручев, проф. Прокопьев, обследовала технико-производственную деятельность этой фирмы и обнаружила вопиющие факты бесхозяйственности и технической неграмотности, ведущие не только к разрушению основного капитала предприятий, но и к опустошению района. Концессия причиняла прямой материальный ущерб государству, не уплачивая вовремя долевых отчислений, подесятинных платежей и т. д.⁴⁵ Постепенная деградация во всех областях производства и техники привела к катастрофическому финалу: работы на предприятиях концессии были остановлены, тысячи рабочих остались без работы⁴⁶.

Почти так же проходило развитие американской концессии «Грузия-Марганец». Хотя эта фирма и произвела двухмиллионные капиталовложения в разработку чиатурского марганца, но общий уровень механизации на рудниках был низким. Показательно, что производительность труда на Чиатурских рудниках была на 15% ниже уровня 1913 г. Себестоимость тонны мытой руды у концессии была на 19% выше, чем в государственных рудниках. Концессия сдавала также участки в аренду частникам, которые, чувствуя, что они работают в «последний раз», варварски вели добычу марганца, не заботясь о последствиях⁴⁷. Хищнически велась добыча и силами концессии: разрабатывались только наиболее богатые

⁴⁴ Этого не могли отрицать и сами руководители концессии. Так, 24 сентября 1928 г., директор общества «Лена Голдфилдс» Ф. Гвинн в интервью с корреспондентом газеты «Известия» заявил: «Опыт концессионного дела «Лена Голдфилдс» в течение 3 лет доказывает, что концессионный капитал может найти в стране справедливое к себе отношение...» (ЦГАОР и СС, ф. 7024, оп. 7, д. 203, л. 2).

⁴⁵ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 127, л. 61; д. 255, лл. 151, 152; д. 1164, лл. 1—12.

⁴⁶ В мае 1930 г. Верховный суд СССР под председательством старого большевика В. П. Антонова-Саратовского приговорил к разным срокам заключения группу ответственных сотрудников концессии «Лена Голдфилдс»: главного металлурга концессии К. Д. Колясникова, заведующего юридическим отделом Н. М. Муромцева, заведующего Бодайбинской группой приисков Л. Я. Рябова де-Рибона и др., обвинявшихся в шпионаже и экономической контрреволюции. Как выяснилось на суде, за ширмой концессии творила свои черные дела вредительская контрреволюционная организация. Нити этой организации вели в Москву, в кабинет директора-распорядителя концессии А. П. Малоземова, который обрабатывал и систематизировал полученные сведения о политическом и экономическом положении Советского Союза, а затем направлял эти сведения в Лондон (См. «Правда», 20, 21 апреля и 7 мая 1930 г.).

⁴⁷ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, ед. хр. 127, лл. 48, 58.

районы, в ряде случаев имела место неполная выемка руды. Нерациональные методы ведения хозяйства сделали убыточной деятельность концессии и ее владельцы сами подняли вопрос о расторжении договора.

Уже приведенные данные позволяют отрицательно оценить технический уровень ряда концессий. Для суммарной же оценки этого показателя небезынтересно познакомиться с некоторыми обобщающими данными. По 19 московским концессиям целиком новое оборудование было лишь на предприятиях «Гаммер» (производство карандашей) и «Лео Дрезден» (гигиенические и косметические изделия). На остальных половина оборудования была ранее в употреблении или в СССР, или за границей. Его износ превышал 40%. Моральный износ был еще выше. Поэтому недавно оборудованные концессионные предприятия мало отличались в техническом отношении от наших, даже старых предприятий⁴⁸.

Как правило концессии в большей мере оборудовались за счет внутренних ресурсов СССР, нежели за счет импортирования. Согласно данным по 19 концессиям вырисовывается следующая картина (см. табл. 2)⁴⁹.

ТАБЛИЦА 2

Структура имущества концессий

Основное имущество, приобретенное 19 концессиями	На 1/X 1927 г.	На 1/X 1928 г.
	в тыс. руб.	
Ввезено из-за границы оборудования, сырья	2915,6	3558,1
Приобретено в СССР	4266,1	6243,9
В том числе:		
Стоимость зданий и сооружений	1654,4	2085,9
Стоимость оборудования	1560,7	2330,0
Незаконченный капитальный ремонт и строительство	1051,0	1828,0
Итого все имущество концессионеров	7181,7	9802,0

Из таблицы видно, что в течение года — одного из лучших для иностранных предпринимателей — быстрее всего росла группа незаконченного капитального ремонта и постройки (на 73,9%), затем — оборудование, приобретенное внутри СССР (49,4%) и меньше всего оборудование, ввезенное из-за границы (22%). Удельный вес имущества, приобретенного в СССР, явно преобладал и с течением времени это преобладание усиливалось.

В концессионных договорах предусматривалось, что концессионеры будут приглашать из-за границы до 15% квалифицированных рабочих и специалистов с таким расчетом, чтобы советские граждане учились у иностранцев передовым методам труда. На практике же предприниматели часто нарушали требования договоров. На 23 предприятиях обрабатывающей промышленности РСФСР в среднем работало 3—4% иностран-

⁴⁸ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 475, л. 227.

⁴⁹ Там же, д. 216, лл. 68, 69.

цев⁵⁰. В то же время были отдельные случаи, когда иностранцы преобладали. Например, в германской концессии Шток и К^о, действовавшей в Ленинграде, на декабрь 1930 г. было 53 советских и 84 иностранных рабочих (в том числе 26 монтеров, 10 мастеров, 9 инструментальщиков) и 2 инженера. Концессия «Тиффенбахер кнопфабрик», в нарушение договора, ввезла неквалифицированных работников, которых обучали наши мастера⁵¹.

Следует заметить, что на проведении концессионной политики отражались также ошибки хозяйственных органов, во много раз усугубленные капитулянтством троцкистов, занимавших руководящие посты в аппарате Главного концессионного комитета при СНК СССР.

Декрет СНК СССР от 21 августа 1923 г. обязал Главконцесским осуществлять общее руководство всем делом привлечения и допущения иностранного капитала к промышленной, торговой и иной хозяйственной деятельности на территории СССР. Это руководство должно было осуществляться в соответствии с ленинскими указаниями. «Вся трудность задачи, по отношению к концессиям,— подчеркивал В. И. Ленин,— сводится к тому, чтобы все обдумать и взвесить при заключении концессионного договора, а затем уметь следить за его исполнением»⁵². Но в практике работы Главконцесскома такой учет был плохо налажен. Более того, встречались случаи, когда договоры иногда заключались с проходимами, не обладавшими ни материальными, ни финансовыми средствами.

В 1926 г. два частника обратились в ВСНХ СССР с просьбой передать им в концессию суконную фабрику «Спартак» (на ст. Быково, Моск.-Каз. ж. д.). Получив отказ по той причине, что концессии предоставлялись только иностранцам, они связались через родственников с разорившимся польским фабрикантом Триллингом, дали ему необходимое количество денег (сам «фабрикант» не мог даже оплатить место в гостинице) и через некоторое время родилась новая концессия под вывеской «Освальд Триллинг»⁵³.

Получили концессии также обанкротившиеся у себя на родине владельцы фирм «Скоу Кельдсен», «Новик», «Жюльен Вейлер» и некоторые другие.

Некоторые концессии просто мешали нормальному функционированию госпредприятий. В 1925 г. был заключен договор на производство горелок и фонарей с польским предпринимателем Яном Серковским, хотя нужды в этой продукции не было. Потребность в ламповых горелках составляла 18 млн штук, а два государственных завода — Самарский и Госпромцвета — изготовляли 17 млн штук в год. Кроме того, такую же продукцию выпускали заводы в Туле и Одессе. Серковский завез неплохое оборудование и производил еще 8 млн горелок. Рынок оказался затоваренным. Правительство СССР вынуждено было значительно сократить программы госпредприятиям, а на Самарском заводе совершенно прекратить выпуск горелок⁵⁴. Даже с учетом других видов продукции — наперстков, канцелярских кнопок, английских булавок — концессия «Ян Серковский» была явно нецелесообразной.

⁵⁰ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 215, л. 228.

⁵¹ Там же, д. 38, л. 81; д. 238, л. 3.

⁵² В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 325.

⁵³ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 215, л. 46. В архиве сохранилась заметка одного из рабкоров, который так описывает отношение концессионера к оборудованию предприятия. «Факты таковы,— писал рабкор 15 апреля 1930 г.,— на складе отсутствуют вспомогательные принадлежности к машинам, машины сильно изношены, а ремонтировать нечем... Поломанные части пока связывают веревками. Я считаю, что Концесским должен принять соответствующие меры, чтобы концессионер не оставил разбитое корыто на фабрике «Спартак»» (ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 156, д. 47, л. 102).

⁵⁴ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 215, л. 33.

Примерно о таком же факте просчета при планировании концессий рассказал на Пленуме ЦК ВКП (б) в феврале 1927 г. А. А. Жданов. Главконцесском, по его словам, пытался в Нижегородской губернии передать в концессию шведским капиталистам производство ножей, хотя они в достаточном количестве изготовлялись на нижегородском заводе «Металлист»⁵⁵.

Лишь немногие из концессий сыграли сравнительно положительную роль в использовании передовой техники и опыта. Английская горнопромышленная корпорация «Тетюхе» по добыче свинцовых, серебряных и цинковых руд (в районе Владивостока) применяла качественное оборудование, производила новое строительство, помогала осваивать природные богатства Дальнего Востока. Но размеры этого предприятия были весьма скромными. Все капиталовложения концессии «Тетюхе» составили на 1 октября 1927 г. 2614 тыс. руб.⁵⁶.

Одной из немногих полезных для нашего народного хозяйства иностранных концессий в обрабатывающей промышленности была концессия «Акционерного общества шведских шарикоподшипниковых заводов в Гетеборге» (СКФ). Договор с СКФ — одно из первых и наиболее удачных соглашений с капиталистами, заключенных правительством еще при жизни В. И. Ленина (в апреле 1923 г.). Важность этой концессии по производству и торговле подшипниками была для нас значительна, если учесть перспективы развития отечественного машиностроения. В 1927 г. было заключено дополнительное соглашение, по которому шведские предприниматели обязались расширять производство подшипников внутри СССР. Советское правительство предоставило право СКФ беспроцентно ввозить и продавать подшипники, машины, оборудование на сумму до 1,5 млн. золотых рублей в год. С помощью Советского правительства концессионерам удалось от полукустарного производства шарикоподшипников перейти к массовому производству этих изделий с применением современного оборудования. Добросовестное и успешное сотрудничество обеих сторон было основано на обоюдной заинтересованности: Советское правительство стремилось развить производство одной из важных деталей для машиностроения — подшипников, а шведская сторона имела значительные коммерческие интересы. Кстати сказать, получая высокие прибыли, СКФ уже за первые четыре — четыре с половиной года компенсировала полностью все убытки за национализацию предприятий⁵⁷. В 1931 г., когда истек срок дополнительного соглашения, наше государство получило сравнительно хорошо оборудованное предприятие, что способствовало развитию производства, во много раз превзошедшего своего предшественника по размерам и технической вооруженности.

В своей основе концессия СКФ была полезной для народного хозяйства, и Советское государство мирилось с той «данью» иностранному капиталу, которую получала фирма в виде огромных прибылей⁵⁸. Подробный анализ ее деятельности дан нами потому, что он особенно убедительно подтверждает возможность сотрудничества Советского государства с деловыми кругами капиталистических стран на основе взаимной выгоды. К сожалению, таких фактов было очень мало в концессионной практике.

⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. хр. 276, л. 65.

⁵⁶ «СССР. Год работы правительства» (Материалы к отчету за 1926/27 бюджетный год), стр. 386.

⁵⁷ ЦГАОР и СС, ф. 215с. оп. 1, д. 127, лл. 126—133.

⁵⁸ Пользуясь своим монопольным положением на советском рынке, СКФ устанавливала очень высокие цены на свою продукцию. Они были на 50—60% выше средних цен на аналогичные виды продукции на мировом рынке. Благодаря этому СКФ вывезла за границу чистой прибыли в золотой валюте с 1923 г. по ноябрь 1930 г. свыше 11 млн. руб., тогда как стоимость ее национализированных предприятий, по данным самой СКФ (явно завышенным), составляла 3485 тыс. руб., (ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 28, л. 144об.; д. 127, л. 127).

Владельцы концессионных предприятий в погоне за максимальными прибылями стремились всеми средствами обойти советское законодательство, чтобы еще больше эксплуатировать рабочих, в то же время они проявляли большую гибкость, пытаясь подчинить трудящихся своему влиянию. К 1 октября 1927 г. во всех концессиях, за исключением торговых, было занято 26,7 тыс. рабочих (1% общего числа рабочих в СССР)⁵⁹. В составе рабочих концессионных предприятий было большое число лиц, вышедших из мелкобуржуазной среды, а также недавних выходцев из деревни. На английской концессии «Скоу Кельдсен», например, мелкобуржуазные элементы составляли свыше половины всех работающих. Неоднородный состав рабочих использовался предпринимателями для создания и углубления между ними антагонизма. Известен факт, когда в Ленинграде на польской концессии «Ян Серковский» концессионер повысил разряды наиболее отсталой в политическом отношении группе рабочих. Стремясь приблизить к себе некоторых рабочих, концессионеры выдавали им авансы, подачки «на водку» и т. д. Повсеместно селясь разнь между рабочими и служащими. Служащие обычно получали персональные ставки. У них были отдельные от рабочих бани, столовые, хорошие квартиры.⁶⁰

Концессионеры стремились разобщить русских и иностранных рабочих, но это им часто не удавалось. Документом большой силы звучит заявление рабочих галлолитного цеха фабрики «Тиффенбахер» с 39 подписями, в котором рабочие просили фабком ходатайствовать перед ЦК союза деревообделочников об оставлении мастера Элендера на работе. В заявлении сообщалось, что мастер Элендер уволен концессионером за солидарность с рабочей массой накануне забастовки. В заключение рабочие писали: «Мы считаем, что такие мастера, имеющие солидарность с рабочим классом, как т. Элендер, нам в производстве (которое в будущем перейдет в наши руки) необходимы»⁶¹.

На лесных и сельскохозяйственных концессиях, где основным источником пополнения рабочей силы были крестьяне близлежащих деревень, не прошедшие заводской и профсоюзной школы, концессионеры использовали их острую нужду в заработках. На концессиях «Мологолес», «Руссанглолес», «Руснорвеголес» рабочий получал в день 50—60 коп. (при этом он, как правило, работал со своей лошадей), тогда как за такую же работу трест «Верхневолголес» выплачивал вдвое больше. Зарплата выдавалась неравномерно, иногда с перебоями до трех месяцев. По материалам Тверского губотдела деревообделочников, рабочие на концессионных предприятиях лесной промышленности работали вместо 8 часов по 15 часов в сутки, по колени в воде, и зарабатывали от 25 до 50 коп. Стоя в воде и грязи, работали рабочие и на рудниках американской концессии «Грузия-Марганец» в Чиатурах. Очень острым, особенно в лесных и горных концессиях, был жилищный вопрос. Рабочие жили здесь обычно в бараках, в ужасных санитарных условиях. На одного человека в бараке приходилось в среднем 0,84 кв. сажени жилплощади. В концессии «Мологолес» многие пришедшие на заработки крестьяне поселялись в шалашах и землянках («лисых норах»). Обследование, проведенное ЦК профсоюза Рабземлеса в 1925 г., обнаружило на неко-

⁵⁹ В эту цифру не вошли 18 тыс. сезонных рабочих на лесных концессиях и около 1000 старателей в концессии «Лена Голдфилдс» («СССР. Год работы правительства». (Материалы и отчеты за 1926/27 г.), стр. 399).

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, ед. хр. 536, лл. 11, 14, 225; ЦГАОР и СС, ф. 5467, оп. 12, д. 5, л. 8об.

⁶¹ ЦГАОР и СС, ф. 5467, оп. 12, д. 60, л. 131.

торых концессиях увеличение числа случаев заболеваемости рабочих такими болезнями, как туберкулез и тиф⁶².

Противоположность классовых интересов труда и капитала на концессионных предприятиях вела к тому, что все большая часть рабочих относилась к концессионерам явно враждебно, как к эксплуататорам. В противовес действиям предпринимателей росла сплоченность рабочих вокруг партийных и профсоюзных организаций. Увеличивался охват их профсоюзным членством. Так, к началу 1926 г. членами профсоюза были уже 97% рабочих концессионных заводов, расположенных в районе Свердловска (всего на этих предприятиях работало в то время около 3000 рабочих). Поэтому большие усилия прилагали концессионеры для подрыва авторитета профсоюзных организаций. Были случаи, когда администрация выступала с требованиями изменения неугодного ей состава фабзавкома. Так, например, в начале 1926 г. в ответ на предложение завкома Сысертского завода концессии «Лена Голдфилдс» повысить ряды некоторым рабочим управляющий концессией обратился в профсоюзные органы с наглым требованием переизбрания заводского комитета. На многих концессиях преследовались рабочие активисты. Администрация концессии «Мологолес», германской сельскохозяйственной концессии «Маныч» отказывала коммунистам в приеме на работу. На одном из концессионных предприятий Уральской области из 12 рабочих, намеченных дирекцией к сокращению, 4 были коммунистами и 5 комсомольцами. Препятствуя развертыванию массовой работы на предприятиях, концессионеры запрещали находиться в цехах рабочим той смены, которая уже отработала, не допускали «посторонних» лиц и т. д.⁶³

В этих условиях важнейшей задачей партийных и профсоюзных организаций на концессионных предприятиях являлась защита экономических интересов рабочих и воспитание их классового самосознания. Решение этих задач осложнялось тем обстоятельством, что на многих предприятиях партийные ячейки были слабыми по своему составу и малочисленными. По данным Информационного отдела ЦК ВКП(б), в конце 1925 г. число коммунистов на отдельных концессиях колебалось от 2 до 11% от общей численности рабочих. Так, в концессии «Мологолес» из 1550 рабочих членами и кандидатами партии были всего 31 человек (2%), в концессии «Руссголландолес» из 1290 — 90 (6,9%), на Ревдинском заводе концессии «Лена Голдфилдс» из 1561 — 177 (11,6%) и т. д.⁶⁴

В Москве и Ленинграде к ячейкам концессионных предприятий прикреплялись члены партии из других ячеек. Учитывая важность расширения партийного влияния среди рабочих концессий, совещание при Орграспреде ЦК ВКП(б) 9 июня 1926 г. поставило задачу «усилить коммунистами частные и концессионные предприятия как путем присылки их, так и путем вовлечения в партию рабочих и работниц»⁶⁵.

Направление работы партийных и профсоюзных организаций на концессионных предприятиях было определено в постановлении ЦК ВКП(б) от 23 августа 1926 г. «Партийная работа на концессионных и частных предприятиях». Важнейшей задачей парторганизаций на этих предприятиях, отмечалось в постановлении, должно быть руководство работой по защите экономических, культурных и бытовых интересов рабочих и работниц. Значительную роль в решении этих задач были призваны играть профсоюзы⁶⁶.

⁶² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, ед. хр. 536, лл. 11, 12; «Рабочая Правда», орган ЦК КП(б) Грузии, 16 января 1927 г.

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, ед. хр. 536, лл. 23, 58, 103, 210; ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 10, д. 147, л. 24.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, ед. хр. 536, л. 10.

⁶⁵ Там же, лл. 21, 150.

⁶⁶ «Справочник партийного работника», вып. 6. ч. 1, ГИЗ, 1928, стр. 511. Защита экономических интересов рабочих и их культурное обслуживание были главной и един-

Острая борьба развертывалась на концессионных предприятиях в связи с заключением коллективных договоров. Концессионеры или вовсе пытались уклониться от их заключения, или саботировали выполнение элементарно необходимых требований рабочих. Многочисленные факты невыполнения администрацией пунктов коллективных договоров отмечаются в ревизионных актах, составленных представителями профсоюзов и Наркомтруда при обследовании предприятий концессии «Лена Голд-филдс». Здесь были обнаружены нарушения правил техники безопасности, применение сверхурочных работ без согласия профсоюза, грязь и сквозняки в цехах, переуплотнение казарм для рабочих, отсутствие бань, умывальников, баков для питьевой воды и т. д. Резкие конфликты при переговорах о новом колдоговоре возникали на фабрике «Симп» и многих других концессиях. Большинство конфликтов было разрешено путем вмешательства третейского суда при Наркомате труда СССР⁶⁷.

Профсоюзам приходилось иногда прибегать и к такой крайней форме борьбы, как забастовка. При этом профсоюзные организации руководствовались принципиальной установкой XIV съезда партии о том, что стачка на концессионных предприятиях может быть объявлена «лишь в результате невозможности разрешить спорный вопрос иными мирными путями...»⁶⁸. Предъявляя требования концессионерам, профсоюзные организации считались с реальными возможностями предприятий, условиями колдоговоров и обязательствами, вытекающими из концессионного соглашения⁶⁹. Стачки возникали лишь при упорном нежелании концессионеров считаться с правами советских рабочих. В 1925 г. на концессионных предприятиях было зафиксировано Наркоматом труда СССР всего 2 забастовки с общим количеством участников 399 человек. Более значительный размах приняла стачечная борьба в 1926 г., когда произошло 7 забастовок, охвативших 4400 рабочих и служащих концессий⁷⁰. Особенно крупными были в этом году конфликты на предприятиях «Мологолес». В январе 1926 г. здесь вспыхнула стачка, в которой участвовали 1440 рабочих, в том числе и сезонники из местных крестьян. Вынужденная заключить после стачки колдоговоры, концессия встала на путь их нарушения. Ввиду этого профсоюз рабочих деревообделочников объявил на Пестовском лесозаводе этой концессии в октябре новую стачку, в которой приняло участие 859 человек. Она продолжалась около 10 дней и закончилась после того, как концессионер обязался уплатить задолженность по зарплате и решить вопрос о выполнении остальных пунктов колдоговора. Через две недели после этой стачки из-за систематических задержек зарплаты на концессии забастовали строительные рабочие. На этот раз оказалось достаточным одного дня, чтобы администрация «Мологолеса» удовлетворила требования профсоюза⁷¹.

Большое принципиальное значение имела в 1926 г. забастовка на предприятиях английской концессии «Индоевропейского телеграфного общества» («Индо»). Конфликт возник в тот период, когда английская буржуазия у себя на родине воспользовалась предательством реформистских лидеров профсоюзов и нанесла рабочему классу Англии тяжелые поражения. Под впечатлением этих событий концессионеры явно переоце-

ственной задачей профсоюзов на концессиях. Однако у многих профсоюзных работников сначала не было ясного понимания этого вопроса. На некоторых концессиях профсоюзы допустили ошибки, пытаясь организовать там работу производственных совещаний (ЦПА ИМЛ, оп. б/н, ед. хр. 133/1, лл. 136, 138).

⁶⁷ ЦГАОР и СС, ф. 7024, оп. 7, д. 186, лл. 2, 8, 9; д. 78, лл. 56—59; д. 80, лл. 27—28; ф. 5451, оп. 13, д. 197, л. 154об.

⁶⁸ «КПСС в резолюциях...», изд. 7, ч. II, стр. 102.

⁶⁹ См. «Восьмой съезд профсоюзов СССР». Стенографический отчет, М., 1929, стр. 523, 524.

⁷⁰ ЦГАОР и СС, ф. 5515, оп. 26, д. 86, л. 63.

⁷¹ Там же, д. 22, лл. 30, 31; ф. 5451, оп. 10, д. 388, лл. 4—6; «Труд», 4, 5 и 20 ноября 1926 г.

нили свои возможности. Они не только отказались включить в колдоговор справедливые предложения профсоюза, но и потребовали ввести на концессии штрафы, достигающие половины месячного заработка работников. Стала неизбежной стачка. В своем воззвании к работникам концессии ЦК профсоюза работников связи призвал участников стачки «дать отпор зарвавшимся господам концессионерам». ЦК напоминал, что стачка заставит концессионеров считаться с союзом и исполнять законы о труде в СССР. 23 августа стачка охватила все предприятия концессии от польской границы до Закавказья, с общим числом работающих 351 человек. Несмотря на большие различия в оплате труда работников, среди бастующих царило полное единодушие. Случаев штрейкбрехерства не было. После 50 дней борьбы связисты добились полной победы. Концессионеры были вынуждены выполнить все требования профсоюза и оплатить рабочим дни стачки. На торжественном собрании работников концессии в Одессе по случаю успешного окончания стачки говорилось, что «в то время, когда в Англии угольщики ведут титаническую борьбу с капиталом, когда во всей Европе капитал лихорадочно накапливает силы для генеральной схватки с рабочими, взоры миллионов трудящихся направлены в сторону Советского Союза, где труд священен и охраняется законом»⁷².

В 1927 г. произошла только одна стачка, вновь на одном из предприятий «Мологолеса» (в ней участвовало 398 человек)⁷³. В последующие годы первое место по числу конфликтов с рабочими занимали предприятия «Лена Голдфилдс».

В концессии «Лена Голдфилдс» на высшие административные и технические должности набирались только такие люди, о которых было известно, что они относятся враждебно к Советской власти. Достаточно сказать, что директор-распорядитель концессии А. П. Малоземов одновременно был одним из главных руководителей контрреволюционной организации, а до революции он работал управляющим Ленскими присками⁷⁴. «Бывших людей» можно было встретить среди административного персонала на многих концессиях. На некоторых концессионных предприятиях администрация вплоть до десятников была подобрана из бывших предпринимателей, посредников, спекулянтов-лавочников и т. д. На концессии «Мологолес» инженер В. В. Смирнов в прошлом был богатым лесопромышленником, производитель работ А. С. Иоффе — директором Литейного завода, управляющий представительством концессии в Москве А. С. Левин до революции был совладельцем крупных лесных складов и т. д.⁷⁵ На фабрике «Тиффенбахер кнопфабрик» много было бывших торговцев и членов их семей. В качестве табельщика здесь работал бывший фабрикант Турлапов, подававший администрации ежедневные доклады о поведении рабочих. В цехах фабрики довольно часто раздавалось обращение «господа!»⁷⁶.

При таком подборе кадров, естественно, на большей части концессионных предприятий нельзя было научиться образцовой постановке дела. На концессии «Лена Голдфилдс» рабочие говорили, что наши директора гораздо лучше руководили предприятиями. А в Архангельской губернии рабочие заявляли по адресу концессионеров: «Мало толку, кабы они технику вводили, а то старые заплаты чинят, норовят все это больше на счет нашей кровушки»⁷⁷.

⁷² «Правда», 10 и 12 октября 1926 г.; «Труд», 24 и 27 августа 1926 г.; ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 10, д. 372, л. 160б.

⁷³ ЦГАОР и СС, ф. 5515, оп. 26, д. 85, л. 8.

⁷⁴ «Правда», 20, 22 и 23 апреля 1930 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 128, л. 70.

⁷⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6/н, ед. хр. 133/1, лл. 6, 7; ед. хр. 135, л. 54.

⁷⁶ ЦГАОР и СС, ф. 5467, оп. 12, д. 12, л. 10б.

⁷⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6/н, ед. хр. 135, л. 69; оп. 2а, ед. хр. 536, л. 102.

Советскому государству ради привлечения концессионного капитала приходилось нести значительные жертвы. Используя благоприятную для себя конъюнктуру, концессии получали баснословно высокие прибыли. По 10 концессионным предприятиям Москвы средний процент прибыли составлял 182%, в то время как по государственной промышленности он равнялся 15%. В производственной деятельности многих концессий сказывалось стремление капиталистических фирм использовать возникший товарный дефицит в интересах спекулятивных прибылей. Достаточно сказать, что 90% концессий в обрабатывающей промышленности было занято производством средств потребления. Некоторые из них в погоне за прибылями систематически нарушали договоры в части ассортимента. Фирма «Новик», например, вырабатывала колпаки для дамских шляп и ботинки, а также фасонные мужские шляпы, уклоняясь от производства крестьянских шляп и фальца в кусках, необходимого для технических целей⁷⁸.

В целом по стране, если исключить некоторые убыточные концессии, прибыль на вложенный капитал у концессий обрабатывающей промышленности составляла в среднем 85%, а у концессии «Триллинг» — 398%, у «Ченстоховской фабрики» — 460%, у концессии «Тиффенбахер кноп-фабрик» — 164%, у концессии «Гаммер» — 148% и т. д.⁷⁹ В связи с этим баланс ввоза и вывоза валюты концессиями сложился не в пользу Советского государства. В 1927/28 г. при ввозе иностранной валюты, оборудования и т. п. на сумму 17 млн. руб. концессии вывезли свыше 22 млн. руб., в том числе прибылей — 12,7 млн. руб.⁸⁰

В. И. Ленин указывал, что Советской стране приходится идти на то, чтобы подкупить «капитализм сугубой прибылью», что заплатить за науку не жалко, лишь бы учение шло толком⁸¹. Но концессионеры оказались плохими учителями наших рабочих. К началу 30-х годов, в связи с успехами социалистического строительства, большинство концессий стало ненужным и вредным элементом в социально-экономическом организме государства. Отсутствие планомерности в развертывании концессионного производства и установлении цен встало в противоречие со всей плановой системой государственной промышленности и товарооборота, с политикой строгого режима экономии во всех отраслях народного хозяйства в интересах развития тяжелой индустрии. Назревшей задачей стало усиленное вытеснение концессий из советской экономики.

Большое значение для успеха развернувшегося процесса вытеснения концессий имело упорядочение органов, ведающих концессионным делом. В связи с этим следует подчеркнуть, что хотя деятельность трюкстов и принесла несомненный ущерб интересам государства в концессионной практике, но она была не в состоянии помешать Советскому государству проводить свою основную линию в концессионной политике. За работой Главконцесскома осуществлялся контроль со стороны ЦКК ВКП(б) и НК РКИ, а также других партийных и советских органов. Еще в мае 1927 г. Коллегия НК РКИ отметила ряд недостатков в работе аппарата Главконцесскома⁸². В дальнейшем в отношении работы Главконцесскома были сделаны более серьезные выводы. В июле — августе 1930 г. работала комиссия по чистке аппарата Главконцесскома. В состав комиссии входило 14 рабочих с производства, 8 научных сотрудников и отдельные работники Главконцесскома. Председателем ее была работница Электрозавода т. Тамарина. Комиссия отметила чрезвычайную вялость работы аппарата Главконцесскома. Он не имел ни ясного плана, ни определенной системы в работе, занимался текущими

⁷⁸ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 216, л. 70; д. 475, лл. 224, 225, 227, 228.

⁷⁹ Там же, л. 215, л. 229.

⁸⁰ Там же, д. 38, лл. 74, 75.

⁸¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 449 и т. 32, стр. 343.

⁸² ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 215, лл. 43, 48, 49.

бумажками и совершенно не изучал экономического и политического эффекта деятельности концессионных предприятий, даже не пытался поставить вопрос о дальнейшем направлении нашей концессионной политики. Комиссия констатировала, что Главконцеском извратил на практике концессионную политику партии и правительства. На состоявшемся 9 сентября 1930 г. заседании коллегии ЦКК ВКП(б) НК РКИ было признано необходимым реорганизовать аппарат Главконцескома⁸³. Уменьшение к этому моменту числа концессий и интересы борьбы с бюрократизмом потребовали значительного его сокращения. В конце 1930 г. СНК СССР принял постановление о реорганизации Главного концессионного комитета и передаче значительной части руководства концессионным делом хозяйственным наркоматам. За Главконцескомом были сохранены в основном процедурные, консультационные и информационные функции⁸⁴.

Экономическое вытеснение концессий являлось одной из форм классовой борьбы в стране и оно всегда тесно переплеталось с классовой борьбой на концессионных предприятиях, развертывание которой позволяло Советскому государству прочно опереться на поддержку трудящихся масс, что облегчало сам процесс вытеснения. Но, несомненно, основу этого процесса составляли рост и укрепление социалистической экономики.

В связи с общим ростом всех отраслей советского народного хозяйства промышленные концессии, связанные с внутренним рынком, лишались хищнических прибылей, к получению которых была направлена вся их предшествующая деятельность. В Москве и Московской области, например, к концу 1929 г. большей части концессионных предприятий, по данным МСНХ, противостояли аналогичные государственные производства⁸⁵. Свертыванию деятельности концессий способствовало и то обстоятельство, что в духе принятого Советским правительством закона о налоге на сверхприбыли в концессионные договоры вносились дополнения о перечислении в пользу государства излишков прибыли. Например, по дополнительному соглашению с германской концессией «Шток и К^о» концессионер обязывался уплачивать третью часть от прибыли свыше 20%, а при чистой прибыли свыше 40% — половину прибыли сверх этого уровня⁸⁶. Тем самым достигалось значительное ограничение хищнических appetитов концессионеров. Вместе с тем в связи с ликвидацией частного капитала внутри страны концессионеры лишались возможности привлечения его в свои предприятия.

Еще раньше обнаружилась тенденция к ликвидации торговых, лесных и сельскохозяйственных концессий вследствие их нерентабельности. Имело значение и то обстоятельство, что в смешанных лесных концессиях иностранная сторона, как правило, уклонялась от каких-либо дополнительных капиталовложений. «Внутренние противоречия интересов,— отмечалось в отчете концессионной комиссии ВСНХ в 1928 г.,— обнаружили полную нежизнеспособность подобной формы работы иностранного капитала совместно с Советским государством»⁸⁷.

В период свертывания деятельности концессий Советское государство тщательно учитывало внешнеполитический фактор. В начале 1930 г. специальная комиссия, созданная Политбюро ЦК ВКП(б), записала в своем протоколе, что расторжение концессионных договоров должно проводиться в порядке полюбовных соглашений, чтобы гарантировать нас от ненужных конфликтов с иностранными государствами⁸⁸. Ликвидация концессий проводилась в результате соглашения сторон на условиях,

⁸³ Там же, д. 38, лл. 71, 73, 74.

⁸⁴ Законы и распоряжения правительства СССР, 1931, № 2, ст. 27.

⁸⁵ ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 156, д. 7, л. 27об.

⁸⁶ Там же, ф. 5451, оп. 12, д. 355, л. 17.

⁸⁷ Там же, ф. 215с, оп. 1, д. 127, л. 151.

⁸⁸ Там же, д. 215, л. 392.

приемлемых как для концессионера, так и для Советского правительства. Правительство нередко шло на досрочный выкуп предприятий у иностранцев, расходуя на это значительные средства. Владельцам «Новик и с-я» было уплачено 200 тыс., «Целлугал» — 600 тыс. руб. золотом и т. д.⁸⁹

О темпах ликвидации концессий можно судить по следующим данным: на 1 октября 1929 г. действовало 59 договоров, на 1 марта 1932 г. — 24, а на 1 января 1936 г. на территории СССР действовало всего лишь 11 концессий⁹⁰. Их удельный вес в народном хозяйстве практически равнялся нулю.

* * *

Значительный интерес представляет рассмотрение такой формы делового сотрудничества с иностранным капиталом в рамках концессионной политики, как договоры о технической помощи (содействии), которые получили наибольшее распространение в период интенсивного свертывания концессионного производства. Договоры о техпомощи заключались нашими хозорганами с передовыми по промышленному развитию иностранными фирмами. В период 1927—1930 гг. многие переговоры с иностранными фирмами по вопросу о концессиях заканчивались заключением договоров о технической помощи. В одном лишь 1928 г. было заключено 20 таких договоров. Всего же, по данным ВСНХ, на ноябрь 1928 г. числилось 49 договоров об оказании технической помощи; правда, некоторые из них были только на бумаге. Почти 50% общего количества договоров о технической помощи (24) приходилось на Германию, 12 договоров — на США, 6 — на Францию и по 3 на Швецию и Англию⁹¹. Среди них были договоры с крупной английской фирмой «Метрополитен Викакерс» на предмет оказания помощи Ленмаштресту в производстве паровых турбин; Всесоюзного электрообъединения — с немецкой фирмой «АЕГ» и шведской фирмой «Эрикссон» по производству электротехнических изделий; ВСНХ СССР — с американской фирмой «Х. Л. Купер» на техническую консультацию «Днепростроя»⁹². В отличие от договоров на сдачу предприятий в концессию, соглашения о технической помощи, как правило, заключались на короткие сроки: 3—6 лет. По истечении срока владельцами чертежей, патентов и прочих технических документов становились советские предприятия.

В ряде договоров о техническом содействии Советское правительство оговаривало свое право продавать продукцию, для освоения которой получалась иностранная помощь, другим странам. В договоре, заключенном в марте 1925 г. Правлением государственных машиностроительных заводов (ГОМЗА) с фирмой «Аугсбург—Нюрнберг» — «Ман» на получение содействия в производстве двигателей «Дизель» двойного действия, советская сторона получала право продавать двигатели Китаю, Монголии, Афганистану, Ирану и др.⁹³. Советский народ уже в те годы, нуждаясь сам в большом количестве машин, оказывал посильную техническую помощь китайскому, монгольскому, а также другим народам.

Первоначально все договоры об иностранной технической помощи были сосредоточены в Главконцесскоме, позднее, в апреле 1930 г., СНК СССР разрешил коллегиям наркоматов утверждать договоры трестов и отдельных предприятий с фирмами⁹⁴. Упрощение порядка сношений с иностранными фирмами, казалось, должно было расширить техническое сотрудничество с границей. Однако этого не произошло. И в данном

⁸⁹ ЦГАОР и СС, д. 215с, оп. 1, д. 38, лл. 79, 80.

⁹⁰ Там же, д. 12, лл. 144—147; д. 582, л. 20; БСЭ, первое издание, т. 34, стр. 182.

⁹¹ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 215, л. 102об.

⁹² Там же, ф. 621с, оп. 16, д. 435, л. 139; ф. 215с, оп. 1, д. 127, л. 182; ф. 3429, оп. 117, д. 1172, лл. 2, 8.

⁹³ «СССР. Год работы правительства. 1924—1925», М., 1926, стр. 513—514.

⁹⁴ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 39, лл. 1, 91.

случае сказались тенденции к бойкоту со стороны империалистических государств.

Очень заметно понижало эффективность технической помощи то обстоятельство, что в большинстве случаев проекты и рабочие чертежи фирмы присылали в разрозненном виде, частями и нередко с большим нарушением установленных сроков (5—6 месяцев)⁹⁵. Часто это было следствием того, что проекты одного объекта готовили несколько фирм, которые не несли никакой ответственности за пуск всей стройки. Были случаи, когда иностранные консультанты уже в процессе работы одни чертежи заменяли другими.

Многие проекты имели ошибочные расчеты, что приводило к бесчисленным переделкам. Директор Московского автозавода И. А. Лихачев рассказывал на XVII съезде ВКП(б), что приглашенные на завод иностранные специалисты «подошли к проектированию чересчур халтурно, надеясь на наш низкий технический уровень и думая сорвать с нас побольше золота и поменьше дать нужных грамотных технических указаний...»⁹⁶. Неудовлетворительный ход реконструкции автозавода, техническим консультантом которой первоначально был американский инженер Брандт, заставил в конце 1929 г. вмешаться в это дело Московский Комитет ВКП(б). Проверкой было установлено, что техническое руководство Брандта не обеспечивало сдачи в эксплуатацию завода в сроки, установленные правительством. Важные технические вопросы долгое время оставались нерешенными. Многие проекты, представляемые Брандтом, не соответствовали требованиям договора и вызвали сомнение у заводских инженеров. Работники Брандта, находившиеся в Москве, оказали малокавалифицированными специалистами. Кроме того, с целью наживы на советских заказах (хотя по договору ему было гарантировано 432 550 долларов) Брандт привлекал к их исполнению другие фирмы, что намного удорожало стоимость чертежей. Когда автотрест предъявил американцу законные требования, он отказался от продолжения честного сотрудничества и в апреле 1930 г. отозвал из Москвы своих представителей, хотя договор был далеко не выполнен⁹⁷. Строительство оказалось в затруднительном положении. Только в результате огромных усилий автозаводцев и помощи московской парторганизации ошибки американских специалистов были исправлены.

В конце 1929 г. ВСНХ решил заказать в США несколько новых блюмингов с тем, чтобы по их образцу организовать выпуск отечественных. Американские капиталисты согласились продать блюминг, но с таким добавочным принудительным ассортиментом, что стоимость самого блюминга составляла седьмую часть общей суммы. Представители ВСНХ отказались от таких условий и попытались купить чертежи блюминга у германского концерна «Демаг». «Демаг» не согласился продать, а за изготовление блюминга запросил сумму, не меньше американской. Тогда в середине 1930 г. советские инженеры собственными силами, без содействия иностранцев, составили проектные чертежи и объяснительные записки к ним. Правда, после этого «Демаг» разрешил нашим специалистам пользоваться своим архивом, где были найдены лишь старые, ненужные чертежи⁹⁸. Первый советский блюминг — одна из самых сложных металлургических машин — был спроектирован, изготовлен и собран советскими специалистами и рабочими.

Да и в тех случаях, когда использовались чертежи и проекты иностранных фирм, это не было простым копированием. Нередко советские инженеры вносили столько добавлений и изменений, что возникали по

⁹⁵ Там же, ф. 374, оп. 2, д. 30, лл. 65—66.

⁹⁶ «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». М., 1934, стр. 576.

⁹⁷ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 311, л. 292; д. 737, лл. 99, 150.

⁹⁸ «Ижорец», 30 июля 1931 г.

существо новые конструкции машин. Работники ленинградского завода «Электроаппарат» внесли в американские чертежи масляного выключателя 275 изменений и создали новый агрегат⁹⁹.

Материалы Главконцесскома показывают, что специалисты, посылаемые в СССР капиталистическими фирмами, часто получали дополнительные задания, ничего общего не имевшие с технической помощью. Известны случаи, когда в нашу страну ехали иностранные специалисты с вредительскими целями. На Шахтинском процессе было установлено, что представители иностранных фирм «Кнапп», «АЕГ» инженеры Вагнер, Кестер, Зеебольд и другие проводили вредительскую работу в Донбассе. Будучи в СССР, инженер Кестер своим русским соучастникам открыто заявлял, что «иностранцы не дураки и не станут поддерживать хозяйственное строительство большевиков». «Техническая помощь» другого инженера — Майера — на Власовской электростанции (Донбасс) состояла в том, что он инструктировал одного из вредителей, что и как надо делать, чтобы быстрее вышла из строя турбина. Инженер Отто накануне приезда в 1927 г. в СССР состоял членом «Стального шлема» и «Общества друзей повой России». Какой помощи можно было ожидать Советскому государству от подобных людей? Ряд фирм, поддерживавших официально с нашим правительством договорные отношения, финансировал вредительскую деятельность в СССР. Взять, к примеру, ту же «АЕГ». Договор о «сотрудничестве» с Всесоюзным электрообъединением не мешал руководству фирмы отпускать немалые суммы на подрывную работу в Советском Союзе. В русском отделе «АЕГ», где орудовали белоэмигранты, проводились специальные совещания по вопросам вредительства в СССР¹⁰⁰.

Разумеется, в СССР ехали и честные иностранные специалисты, хорошие знатоки своего дела. Один из таких крупных специалистов — американский полковник Купер, помогавший строить Днепрогэс, за добросовестное отношение к делу был награжден Советским правительством орденом Трудового Красного Знамени. Очень важно было правильно использовать всех иностранных специалистов. На I Всесоюзной конференции работников промышленности Г. К. Орджоникидзе резко критиковал хозяйственников, которые неудовлетворительно использовали иностранных спецов. Он рассказал, например, как один немецкий инженер, проработавший в СССР около полутора лет, дал десятки предложений. «Все его предложения принимали, считали, что они правильны, а когда он проверял через полгода—год, оказывается ничего не провели в жизнь, а мы ему золотом платим»¹⁰¹. Случаев неудовлетворительного использования иностранных специалистов было много в то время и партийные организации вели неустанную борьбу с такими явлениями.

Значительная часть рабочих и специалистов, прибывших в СССР по индивидуальным договорам, активно работала на производстве, охотно передавала свои технические знания и опыт советским рабочим, рассматривая свою жизнь в СССР как серьезную политическую школу. Многие из них зарекомендовали себя талантливыми рационализаторами производства, за что получали премии и правительственные награды.

Активную роль в подборе и посылке нужных людей в СССР сыграл ЦК Коммунистической партии Германии во главе с Э. Тельманом. Еще в 1926 г. И. В. Сталин обратился к т. Тельману с запросом: сможет ли Коммунистическая партия Германии послать в СССР определенное число рабочих и специалистов. Э. Тельман ответил, что компартия Германии «сможет организовать посылку в Союз высококвалифицированных специалистов, находящихся в курсе новейших достижений техники по

⁹⁹ «В годы великих работ», М.—Л., 1933, стр. 49.

¹⁰⁰ «Экономическая контрреволюция в Донбассе», М., 1928, стр. 35, 146, 148, 149.

¹⁰¹ «За индустриализацию», 2 февраля 1931 г.

разным отраслям хозяйства». Этот ответ поступил к В. В. Куйбышеву, работавшему тогда председателем ВСНХ СССР. Горячо поддерживая эту идею, В. В. Куйбышев в специальной докладной записке в Политбюро ЦК ВКП(б) писал: «Я думаю, что необходимо воспользоваться этим предложением т. Тельмана ввиду всем известной технической отсталости наших инженеров. Дополнительно к поездкам наших инженеров за границу, эта мера могла бы иметь большое значение для технического переоборудования нашей промышленности. Я уже не говорю о том, что это предприятие, организовано и без перебоев проведенное, будет иметь большое политическое значение — это будут первые шаги технической помощи рабочих индустриально передовых стран строящемуся социализму в нашей стране»¹⁰². В. В. Куйбышев предлагал Политбюро ЦК ВКП(б) срочно определить и сообщить т. Тельману необходимое число специалистов для различных отраслей народного хозяйства СССР.

Нам не удалось установить общих результатов этих переговоров двух братских партий по вопросу о технической помощи. Однако наличие в СССР большого числа коммунистов, честных беспартийных специалистов и высококвалифицированных рабочих из Германии дает полное право делать вывод о большой работе ЦК и местных организаций компартии Германии по отправке в СССР специалистов и рабочих. Партийная организация Гамбурга, например, послала в СССР двух высококвалифицированных рабочих-строителей Г. Дрезлера и А. Шредера. В 1930 г. компартия помогает выехать в СССР коммунистам — рабочему В. Шмидту, И. Миддеке — в будущем конструктору завода «Светлана». На Ленинградском заводе «Электроаппарат» из 80 иностранцев 23 человека состояли членами германской Коммунистической партии, 9 человек вступили в партию уже в СССР и, кроме того, в этом коллективе имелось 19 немецких комсомольцев. В воззвании ко всем иностранцам, работавшим в СССР, германские рабочие «Электроаппарата» призывали весь их опыт, приобретенный в капиталистических странах, без остатка предоставить в распоряжение Советского Союза¹⁰³.

Простым и сравнительно недорогим способом ознакомления с достижениями передовой техники капиталистических стран являлись заграничные командировки работников различных отраслей народного хозяйства, прежде всего специалистов промышленности. Командировки советских работников на предприятия фирм оговаривались как одно из необходимых условий в договорах о технической помощи. В 1926—1927 гг. было осуществлено 418, в следующем году — 528 и в 1928—1929 гг. — 750 таких командировок (что составляло 53% намеченных планом). За один лишь год на командировки было израсходовано 1,3 млн. руб.¹⁰⁴. По сравнению с потребностями, размахом и темпами нашего социалистического строительства, эти цифры, конечно, очень малы. Кроме того, эффективность командировок не всегда была одинаковой. Импортное управление «Амторга» в декабре 1929 г. сообщало в НКВТ СССР, например, что нефтяная, бумажная и горная промышленности почти не посылают своих работников в США. Остальные отрасли народного хозяйства до сего времени ограничивались посылкой в США комиссий «по обследованию», «выяснению», но не изучению техники¹⁰⁵.

В то же время необходимо подчеркнуть, что советским инженерам и рабочим, прибывавшим за границу для изучения техники, в этом деле чинились всякого рода препятствия. Об этом говорят многочисленные факты. Так, когда после заключения договора в ноябре 1927 г. с американской фирмой «Персивален Фаркуар» о техническом содействии в оборудовании Макеевского металлургического комбината в США вые-

¹⁰² ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 325, л. 1.

¹⁰³ «Иностранные рабочие на стройке СССР», М., 1932, стр. 21, 42, 44.

¹⁰⁴ «Промышленный импорт», М.—Л., 1930, стр. 158.

¹⁰⁵ Центральный архив Министерства внешней торговли СССР, ф. Управления внешней торговли, оп. 221, д. 149, л. 41.

хала группа советских специалистов под руководством т. Макарова, то металлургический трест, объединявший 48 американских заводов, отказался пустить их на большую часть своих предприятий. А для осмотра семи заводов, на которых было разрешено побывать нашим специалистам, американские дельцы предоставили неделю, т. е. по одному дню на завод¹⁰⁶. Не был допущен работать на предприятиях «Радио-корпорейшн» работник ленинградского завода «Светлана» т. Валуев. Его учтиво приняли, но разрешили лишь совершить беглую экскурсию по второстепенным цехам.

Как показала жизнь, источник технической помощи от капиталистических фирм оказался чрезвычайно ненадежным. Достаточно было измениться политической ситуации, достаточно было начаться очередной антисоветской кампании, — а их было немало, — как одни фирмы начинали затягивать переговоры, нарушать условия заключенных договоров, другие — открыто или под каким-либо предлогом отказываться от сотрудничества. Английская фирма «Бабкок и Вилькокс» определенное время оказывала техническое содействие ленинградскому Металлическому заводу в производстве паровых котлов. Но вскоре после разрыва дипломатических отношений с Англией правление фирмы заявило, что по политическим соображениям техническое содействие прекращается¹⁰⁷. Правда, в помощи этой фирмы Металлический завод уже не нуждался, так как рабочие и ИТР изменили чертежи, значительно усовершенствовали типы котлов.

Вообще после обострения англо-советских отношений в главных капиталистических странах усиливается тенденция к отказу от технико-экономического сотрудничества с Советским Союзом. Фирмы США, Германии, Англии сговариваются между собой и пытаются проводить политику технической блокады СССР. Отказы советским хозорганам в технической помощи особенно участились в связи с первыми успехами индустриализации нашей страны. Начало мощного развития производительных сил в СССР пугало капиталистов. Многие из них отказывались даже от переговоров о техническом или каком-либо ином сотрудничестве с СССР. Так, американская фирма «Дюлон» в течение нескольких месяцев 1929—1930 гг. вела с нами переговоры о заключении договора на техническую помощь, затем прервала их. Представители фирмы «Тимпен Болл Беринг Компани» (США) откровенно заявили, что они прекращают переговоры, так как не желают помогать сегодня своему конкуренту в будущем¹⁰⁸. Американское правительство затрудняло получение виз на въезд в страну нашим специалистам. Иммиграционные власти придирчиво относились к советским людям и т. д. В апреле 1930 г. в США утверждается новый таможенный закон, который усиливает американский протекционизм. Делается все, чтобы отлугнуть деловые круги США от технического и экономического сотрудничества со Страной Советов.

Если добавить ко всему сказанному, что услуги иностранных фирм, их техническое содействие стоили советскому народу больших средств, то станет ясным, почему Правительство СССР отказалось и от этой формы сношений.

Согласно договорам за техническое содействие фирмы получали от 2 до 8% от стоимости проектируемых объектов. Представление о том, как это выглядело в абсолютных суммах дает следующий пример. Только за экспертизу хорошо составленного Гипрометзом, по отзывам самих же иностранных специалистов, проекта Магнитогорского комбината фирма «Мак-Ки» получила 250 тыс. долларов¹⁰⁹.

¹⁰⁶ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 908, л. 148.

¹⁰⁷ Там же, д. 1054, лл. 67, 88.

¹⁰⁸ Центральный архив Министерства внешней торговли СССР, ф. Акционерного общества «Амторг», оп. 3490, св. 69, д. 34, л. 110.

¹⁰⁹ ЦГАОР и СС, ф. 215с, оп. 1, д. 38, л. 165.

В целом по стране в 1927—1928 гг. иностранная техническая помощь (платежи по договорам, оплата иностранных специалистов, командировочные расходы, содержание технических бюро за границей) обошлась государству в 5 млн. 196 тыс. руб. По плану, утвержденному Совнаркомом СССР на 1929/30 хозяйственный год, на все виды технической помощи предусматривалось 40 млн. руб., из которых 34 млн. руб. — для промышленности. Но уже в ноябре 1930 г. Совет Труда и Оборона предлагает ВСНХ, Наркомторгу, НКПС и другим ведомствам, в связи с напряженным положением со средствами, в целях экономии иностранной валюты не заключать в особом квартале 1929/30 хозяйственного года новых договоров на привлечение технической помощи, прибегать к ней лишь в неотложных случаях. Это был первый этап массовых отказов СССР от иностранной технической помощи. В мае 1931 г. СТО принял специальное постановление «О договорах по иностранной технической помощи», которое обязало ведомства не только прекратить заключение договоров, но и предлагало ВСНХ расторгнуть соглашения с десятью иностранными фирмами. Общая сумма экономии от расторжения договоров только в 1931 г. составила около 3,5 млн. руб.¹¹⁰

В дальнейшем, по мере индустриализации, Советский Союз сам все больше оказывает техническую помощь другим странам. На XVII съезде партии приводились примеры того, что СССР получил много заказов на оборудование, проектировку и строительство новых заводов, электростанций, радиостанций, коммунальных сооружений и т. д. для Персии, Турции, Греции; даже французские власти в это время просили помощь в разработке проекта теплофикации Центрального района г. Лиона¹¹¹.

* * *

История концессионной политики убедительно говорит об искреннем стремлении Советского государства к мирному деловому сотрудничеству с капиталистическими странами. Ее проведение явилось серьезным фактором в борьбе Коммунистической партии и Советского правительства за обеспечение мирных условий социалистического строительства в капиталистическом окружении.

Руководствуясь ленинскими идеями о госкапитализме, Советское государство в отдельных случаях сумело использовать иностранные капиталы и технику в интересах развития социалистической экономики. В целом же, как показывают исторические факты, концессии сыграли незначительную роль в развитии народного хозяйства нашей страны. Политика блокады и бойкота, проводимая империалистическими державами с целью удушения Советского государства и восстановления своего господства, помешала установлению сотрудничества с представителями деловых кругов капиталистических стран в сколько-нибудь значительных размерах. Но отказ от широкого делового сотрудничества с Советским Союзом лишил иностранных предпринимателей больших материальных выгод. Советский же народ под руководством Коммунистической партии за счет собственных сил и ресурсов не только восстановил народное хозяйство, но и осуществил его социалистическую реконструкцию. Бойкот империалистов не мог приостановить движения народов СССР к социализму. В соревновании с капитализмом вопрос «кто—кого?», сформулированный В. И. Лениным, был решен в нашей стране в пользу социализма.

¹¹⁰ Там же, д. 38, л. 52; д. 39, лл. 26—27, 201; д. 216, л. 106.

¹¹¹ «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет» Партиздат, М., 1934, стр. 475.

